

ПРАВОСЛАВНАЯ ПОДОЛІА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ ПОДОЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII).

Выходитъ съ газетой „Подолія“ вмѣсто „Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ съ 1906 года.

Цѣна за годъ 4 руб. съ перес. и безъ перес.; за полгода 2 руб.

Отд. №-ръ 10 коп. Вмѣстѣ съ газетой „Подолія“ 10 р. за годъ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Вселенская радость.

Радуйтесь вси людіе и възыграйте!

Чье сердце не трепещетъ отъ восторга и безмѣрнаго ликования отъ одного лишь воспоминанія о Свѣтлой Пасхѣ Христовой!..

Великая Суббота... Еще стоятъ въ душѣ скорбныя воспоминанія Страстей Христовыхъ, всего этого издѣвательства мрачнаго и злобнаго невѣрія надъ вѣчной Правдой Божіей. Еще рыдаетъ, достигая *до раздѣленія души и духа*, плачь Богоматери, еще стоитъ въ благоговѣйномъ воображеніи картина погребенія Спасителя...—Господи,—думаешь не льно:—неужели восторжествуетъ на землѣ зло и неправда, неужели „Святый святыхъ“ не побѣдитъ?

Наступаетъ тихая, тихая, благоуханная ночь. За каменной оградой церкви разложили по обычаю костеръ. Вскорѣ начинается собираться къ нему народъ. Сидятъ и грѣются, точно слуги архіерейскіе въ ту ночь, когда судили Господа. И опять вспоминаются страданія Спасителя и отреченіе отъ Него Апостола Петра, когда онъ, *шедъ вонъ, плакася горько...* Но, Господи, *развѣ возможно отречься отъ Тебя, кротость и любовь и правда*

предвѣчная! Лучше муки, лучше крестъ,—самый тяжелый, самый невыносимый, чѣмъ измѣна Тебѣ!

Въ поляхъ, обвитыхъ ночнымъ сумракомъ, точно совершается какая-то тайна. Все ждетъ—не дожидается великаго чуда, чтобы возрадоваться и возвеселиться безъ конца и безъ мѣры!

Полночь... Первый ударъ колокола. Торжественно и властно гудить онъ надъ полями и лѣсами, возвѣщая всему міру о „новой радости“ Воскресенія Христова.

Скоро въ блескѣ свѣчей и въ благолѣпіи святыни клиръ и народъ выходятъ изъ церкви „во тьму ночную“. Такъ шли нѣкогда жены мироносицы „утру глубоко“, чтобы помазать тѣло Господа мѣромъ благовоннымъ. Колокола гремятъ, точно небо раскрылось надъ землею, и оттуда полились мощные звуки ангельскаго славословія. Остановились передъ „закрытою дверью“, какъ жены мироносицы у входа въ пещеру погребенья...

„Камень отваленъ отъ гроба“... Нѣтъ пречистаго тѣла... Гдѣ-же Господь? Неужели украденъ врагами? О, нѣтъ!

„Ангель церкви“, радостный и мощный, „въ ризахъ блестящихся“ громко и восторженно возглашаетъ: „Христосъ воскресъ“! трижды.—„Воистину воскресъ“!—съ непередаваемою силою любви и радости отвѣчаетъ ему толпа народная...

Двери церковныя открываются настежь,—и всѣ, ликуя, входятъ въ залитую свѣтомъ паникадилъ и безчисленныхъ свѣчей церковь.

И на мигъ кажется, что „старое прошло“, что нѣтъ уже грѣшной и темной земли, залитой братоубійственной кровью, нѣтъ скорби и страданій людскихъ. Небо слилось съ землею „воедино“,—и уже ничто не властно отнять у „друзей Божіихъ“ выстраданнаго ими рая чистѣйшей любви и блаженства.

„Воскресенія день, провѣтимася, людіе! Пасха Господня, Пасха! Отъ смерти бо къ жизни и стъ земли къ небеси Христосъ Богъ нашъ проведе, побѣдную поющія“!

Всѣ лица озарены *внутреннимъ свѣтомъ*, всѣ горятъ безконечнымъ восторгомъ богообщенія.

„Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ“,—безъ конца повторяетъ клиръ-пѣвчіе.

Воскресъ „Побѣдитель ада и смерти“! Есть правда, есть возмездіе, есть изъ-за чего страдать — „даже до смерти крестныя“!

„Воистину воскресе!—со слезами умиленія отвѣчаютъ вѣрующіе. И всѣмъ видится „небо отверсто и Сынъ Человѣческій“, Котораго видѣлъ Даниилъ въ видѣніи одесную Отца!.. Ангелы славословятъ Его въ восторгѣ любви, „лица закрывающе“, а Господь глядитъ на землю, гдѣ Онъ страдалъ, и лучи блаженной радости тихо льются изъ Божественныхъ очей, достигая до земли волнами непередаваемого блаженства.

— Господи! вѣкъ бы такъ молиться, стгорая отъ благоговѣйнаго торжества предъ лицемъ Твоимъ!—поетъ сердце. Но служба кончается, и всѣ, радуясь, расходятся по домамъ, неся въ рукахъ освященные куличи и яйца.

Гремятъ непрерывно колокола; народъ, точно Божьи пчелки, толпится у бѣлой и прекрасной, какъ невѣста Христова, церкви. И радость, радость огромная и свѣтлая, какъ море, тѣснится въ сердце и льется черезъ край.

Глядишь на землю и не узнаешь ея: все *ново*, все одѣто божественнымъ свѣтомъ, все горитъ безконечной любовью. Точно „новое небо“, „новая земля“, „святыи Іерусалимъ Божій“ сошли уже съ вѣчныхъ высотъ!

Не находишь себѣ мѣста отъ радости... Иду къ рѣкѣ... Весело катятся свѣтлыя волны и съ тихою радостью шепчуть: „Христось воскресъ! Христось воскресъ“!.. Иду въ лѣсъ,—слышу сердцемъ то-же. Все ликуеть, все веселится, все торжественно возглашаетъ: „Христось воскресе“!

С. С. К.

Күрію-Пасха*).

Настала радость для всѣхъ: ликуютъ ангелы, веселится родъ, человѣческій, радуется вся тварь земная.

Сегодня Святая Церковь празднуетъ два благовѣстія радости всему міру.

„Радуйся, благодатная!“ кроткимъ голосомъ нынѣ воззвалъ Архангелъ Гавріиль Приснодѣвъ Маріи.

„Радуйтесь!“—вотъ первое слово, съ которымъ встрѣтили сегодня, по воскресеніи Своемъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ Марію Магдалину и другихъ женъ.

Архангелъ Гавріиль, бывъ посланъ Господомъ съ горнихъ обителей въ земныя страны, предсталъ въ Назаретъ прелѣ Дѣвой Маріей и возвѣстилъ Ей благу ю вѣсть, неизреченное смотрѣніе Божіе.

„Не бойся, Марія“.—прорекъ онъ Ей.—„Ты обрѣла благодать у Бога: и вотъ зачнешь во чревѣ, и родишь Сына, и наречешь Ему имя Іисусъ“ (Лук. 1, 30—31).

„Духъ Святой“—продолжалъ Онъ—„найдетъ на Тебя, и сила Всевышняго осѣнитъ Тебя, посему и рождаемое Святое наречется Сыномъ Божіимъ“ (Лук. 1, 35).

Радость, извѣщенная Пресвятой Дѣвѣ Маріи, есть радость всемірная, ибо возвѣщено о рожденіи Спасителя *всего* міра, Спасителя *всего* грѣшнаго человѣчества отъ грѣха, проклятія и вѣчной смерти.

Въ этотъ день возвѣщено таинство примаренія Бога съ людьми, усыновленіе насъ Ему, обновленіе образа нашего, возвышеніе и восхожденіе наше на небеса.

Богъ соединяется съ человѣкомъ, чтобы возстановить чело-вѣка и весь міръ въ ихъ первобытной красотѣ. Поэтому и Святая Церковь въ этотъ день радостно поетъ: „Благовѣствуй, земле, радость велію, хвалите, небеса, Гожію славу“ (припѣвъ 9-й пѣсни канона).

*) Такъ называется соединеніе праздникоу Пасхи и Благовѣщенія

Но радость, возвѣщенная Архангеломъ Гавріиломъ, была радостью только ожидаемаго спасенія; полная же радость, радость уже наступившаго спасенія привесена міру Воскресеніемъ Христовымъ.

„Воскресе Христось, и низложися адъ!“

„Воскресе Христось, и падоша демоны!“

„Воскресе Христось, и радуются ангелы!“

„Воскресе Христось, и попрося смерть!“

„Воскресе Христось, и воцарися жизнь!“

Этотъ праздникъ подлинно—торжество изъ торжествъ, праздникъ изъ праздниковъ, ибо Воскресеніе Христово есть доказательство, что непобѣдима правда, что безплодно страданіе, что сѣмя добра въ человѣкѣ есть для него и сѣмя воскресенія въ вѣчную жизнь.

Воскресеніе—радость всеобщая. „Постившіеся и непостившіеся“—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ—„возвеселитесь днесь; воздержницы и лѣнiviи день почитите“.

Свѣтъ Воскресенія Христова озарилъ и небо, и землю, и преисподнюю.

Всѣмъ веселіе, всюду ликование!

Этотъ праздникъ—праздникъ вселенной, торжество не только разумнаго, но и неразумнаго міра.

Камни поютъ. Деревья въ сладкомъ шопотѣ подъ ласкающими лучами пробуждающейся зари шепчуть другъ другу великія слова Святой Маріи Магдалины:

„Христось воскрес!“

„Воистину воскрес!“

Птички Божьи въ переливахъ своего сладостнаго щебетанія возвѣщаютъ міру великій день Свѣтлаго Воскресенія.

Но Воскресшій Господь, даровавшій міру такую великую радость, оставилъ намъ Свою заповѣдь: освѣтитъ землю правдой нашихъ дѣлъ, сѣять вокругъ себя любовь и миръ, неустанно продолжать устроеніе Царства Божія на землѣ.

„Какъ Меня послалъ Отецъ, такъ и Я посылаю васъ“ (Іоан. XX, 21).

Но, увя! Тернистый путь Христа пугаетъ насъ, тяжкая борьба съ искушеніями, противоборство соблазнамъ, незаслуженныя укоризны, ненавистныя гоненія, уничиженіе, бѣдность, нужда и всякаго рода страданія намъ кажутся не по плечу, и мы, нечестивцы, забываемъ завѣтъ Христа и идемъ другимъ, широкимъ путемъ, приводящимъ насъ къ гибели.

Вмѣсто добра, любви и міра, сѣемъ мы вокругъ себя зло, неправду, несемъ людямъ только плачь и страданіе.

Древніе христіане, получивши радостную вѣсть Воскресенія, понесли, какъ повелѣлъ Христосъ, эту драгоценную вѣсть людямъ, осіяли святыми дѣлами своими весь міръ, и онъ, гордый, сильный, склонился предъ ними и, побѣжденный ихъ смиреніемъ и любовью, палъ предъ ними ницъ.

Подобно древнимъ христіанамъ, мы, познавшіе Воплощеніе и Воскресеніе Христово, должны нести людямъ Свѣтлый Ликъ Господа нашего Иисуса Христа, должны нести имъ ту радость благовѣстія, которую Онъ принесъ въ міръ Своимъ непостижимымъ Рожденіемъ и Свѣтлымъ Воскресеніемъ.

Но человекъ можетъ дать людямъ только то, чѣмъ самъ обладаетъ. Если свѣтъ Христова Лица не померкнетъ въ собственномъ нашемъ сердцѣ, если Его слова чарующей любви не будутъ самими нами забыты, тогда только мы сумѣемъ осіять міръ свѣтлой радостью Воскресенія Христова и низложить зло побѣднымъ кликомъ:

„Христосъ воскресъ!“ („Кормчій“).

Пасха Христова.

Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ! Въ однихъ этихъ святыхъ восклицаніяхъ—вся жизнь, весь смыслъ, вся радость міра! Воскресеніе Христово *наглядно* удостовѣряетъ насъ въ благодати Божіей. Еслибы зло міра и страданіе тварей были *вѣчными*, то не было бы въ насъ мѣста вѣрѣ въ безпредѣльность Божіей любви и милосердія. Воскресеніе Христово ярко удостовѣряетъ насъ въ томъ, что наши скорби и испытанія временны

и переходящи и что за порогомъ гроба насъ ожидаетъ иная жизнь, *личная*, самостоятельная, полная неизреченной любви и радости безконечной. Воскресеніе Христова освящаетъ всю земную жизнь, дѣлаетъ ее чистой и прекрасной, полною дивной правды и кроткой тайны. Глядя на Христа Воскресшаго, легко нести тяжелый крестъ жизни, легко жертвовать ничтожными земными благами во имя высшей Любви и Правды.

Въ самой природѣ есть много намековъ на близость и возможность общаго воскресенія.

Прелестная бабочка, играющая на солнышкѣ разноцвѣтными крылышками, выпархиваетъ изъ неуклюжей, *пресмыкающейся по землѣ* куколки. Изъ темной и, по видимому, безформенной земли вырастаютъ цвѣты дивной красоты, величественныя разнообразной формы деревья... Изъ грубаго древеснаго ствола, одѣтаго грубою корю, мало чѣмъ отличающагося отъ неорганической матеріи, вырастаютъ тонкія, вѣтвистыя вѣтви, а на нихъ—душистые цвѣты и плоды. Все стремится къ высшему, къ новому, къ лучшему. Какъ же можетъ быть исключена изъ этого *общаго порядка природы* сознательно-разумная и свободная жизнь человѣка, являющаяся на землѣ отобразомъ Бога, Творца неба и земли? Если несудушевленная природа, стоящая столько же ниже человѣка, сколько человѣкъ ниже Бога, *преобразуется и совершенствуется на лучшее*, то чѣмъ болѣе это свойственно человѣку, сущность жизни котораго есть *движеніе впередъ безъ конца*, безъ предѣла. Христось воскресъ! С. К.

Внидите вси въ радость Господа своего!

Христось Воскресе!

О, какъ много въ этихъ двухъ словахъ самой свѣтлой, чистой, несказанной радости для сердца истиннаго христіанина! Духъ захватываетъ, когда изъ отверзшихся дверей притвора вдругъ прорвутся и понесутся по всему храму родные звуки всѣмъ знакомой пѣсни Воскресенія: *Христось воскресъ изъ мертвыхъ...* Закипають слезы въ груди: такъ бы и повергся въ прахъ,

еслибъ не это повсюдное ликованіе, не эта дивная пѣснь, под-
нимающая мертвыхъ изъ гробовъ... „Никтоже,—говоритъ великій
учитель Церкви, святой Златоустъ,—никтоже да рыдаетъ убоже-
ства: явися бо общее царство. Никтоже да плачетъ прегрѣшеній:
прощеніе бо отъ гроба возсія. Никтоже да убоится смерти: сво-
боди бо насъ Спасова смерть“. Предъ очами ликовствующей
Церкви нѣтъ разницы ни между праведно пожившимъ въ минув-
шіе дни, ни между грѣшнымъ по слабости естества своего,—
лишь бы пришли и явились они на пиръ ея великій, лишь бы
принесли съ собой сердце открытое: всѣхъ равно объемлетъ она
любовію, ко всѣмъ простираетъ материнскія свои объятія.—
„Благочестивъ ли ты и боголюбивъ,—вѣщаетъ она златыми
устами святого Іоанна,—насладись сего добраго и свѣтлаго тор-
жества; благоразумный ли ты рабъ: вниди радуясь въ радость
Господа твоего; потрудился ли ты постыся: воспріими нынѣ
динарій; дѣлалъ ли ты отъ перваго часа: пріими днесь праведный
долгъ; пришелъ ли по третьемъ часѣ: благодаря празднуй; до-
стоитъ ли по шестомъ: не сумнися ничтоже, ибо ничимъ же
отщетишися. Приступи ничтоже сумняся, ничтоже бояся, лишив-
шійся и девятаго часа; не утрашися замедленія и ты, достиг-
шій и во едионадесятый часъ: любочестивъ бо сый Владыка,
пріемлетъ послѣдняго, якоже и перваго, упокоеваетъ во едино-
надесятый часъ пришедшаго, якоже дѣлавшаго отъ перваго часа;
и послѣдняго милуетъ, и первому угождаетъ, и оному даетъ, и
ему дарствуетъ; и дѣла пріемлетъ, и намѣреніе цѣлуетъ, и дѣя-
ніе почитаетъ, и предложеніе хвалить. Тѣмже убо внидите вси въ
радость Господа своего: и первіи и вторіи мзду пріимите; бога-
тіи и убозіи другъ со другомъ ликуйте; воздержницы и лѣнiviи
день почтите; постившіеся и непостившіеся возвеселитесь днесь.
Трапеза исполнена: никтоже да изыдетъ алчай. Все насладитесь
пира вѣры, все воспріимите богатство благодати!“

Боже мой! Что за обиліе любви, что за готовность обрадо-
вать всѣхъ безъ изъятія! Но иначе и быть не могло, да и не
можетъ быть. Вѣдь это говоритъ мать къ дѣтямъ своимъ, мать
обрадованная, та самая мѣть, которая скорбѣла съ учениками

Христовыми: мы надѣяхомся, яко Сей есть хотяи избавити Израиля; но и надъ всѣми силами третій сей день есть днесь отнелиже сія быша (Лук. 24, 21),—мать, отъ радости не договаривающая словъ, вся сіяющая неземнымъ веселіемъ, вся ликующая небеснымъ восторгомъ... Что ей до того, что этотъ сынъ пришелъ на праздникъ изъ страны далече, а тотъ былъ все время близъ нея! Когда разбирать ей, что этотъ жилъ по ея уставамъ и велѣніямъ, а этотъ ходилъ по грѣшнымъ начинаніямъ сердца своего! У нея праздникъ: она видитъ дѣтей, которыя сошлись къ ней съ разныхъ сторонъ, пришли оттуда, откуда она и не ждала ихъ,—и довольно съ нея: Христось воскресе, говоритъ она, лобызая того и другого, добраго и недобраго.—„Мать, прости меня!“ говорятъ ей заблудшія дѣти, а она, съ радостными слезами на глазахъ, отвѣчаетъ имъ: Христось воскресе, Христось воскресе! Простимъ вся воскресеніемъ, и тако возопіимъ: Христось воскресе! Идите ко мнѣ всѣ, всѣ до единаго; вѣдь за васъ, за всѣхъ васъ страдалъ Онъ, славно прославившійся нынѣ, смертію смерть поправый и сущимъ во гробѣхъ животь даровавый!“

И вижу я, сквозь полупрозрачную дымку разносящагося еиміама,—идеть ко кресту Христову и украшенный знаками отличія труженникъ государственной жизни—вѣрный царскій слуга, идетъ и торгующій и продающій, давая себѣ ослабу отъ житейскихъ суетъ, идетъ и бѣдный чиновникъ, на послѣднюю, тяжкимъ трудомъ заслуженную копѣйку купившій красное яичко для дѣтей своихъ, идетъ и поденный работникъ-крестьянинъ, крестья намозоленную рукою морщинистый лобъ свой, идутъ всѣ, отъ Царя до послѣдняго бездомнаго нищаго, и всѣ лобызаются съ радостнымъ привѣтомъ: Христось воскресе!...

Что-жъ ты стоишь, святая душа? Что за скорбь на добромъ челѣ твоемъ? Слышала ли ты слова учителя твоего: „никтоже да плачетъ прегрѣшеній, прощеніе бо отъ гроба возсія?“

— „Увы, мнѣ ли участовать въ общей радости, когда я вражду на брата моего, когда я боюсь, чтобъ онъ не подошелъ ко мнѣ съ обычнымъ привѣтомъ? Что я отвѣчу ему?..“

А вотъ что, радость ты моя: „прости вся воскресеніемъ и тако возопій: Христось воскрес!“ Вѣрь, что просвѣтится лицо твое, обновится духъ твой, закипитъ восторгомъ сердце твое, и недругъ твой покажется тебѣ лучше лучшаго друга. Знаешь ли, гдѣ теперь мѣсто злобѣ и ненависти, плачу и скрежету зубовъ? Въ адѣ, между вѣчными и мрачными его обитателями. Но аду этому нельзя не злобствовать, ибо онъ поруганъ бысть, связася, низложися, уразднися, умертвися. Тебѣ ли, святая, Христомъ искупленная душа, въ день Христовъ подражать адскимъ обитателямъ?...

Зачѣмъ Онъ страдалъ?

Великій четвергъ... 7 час. вечера. Надъ большимъ губернскимъ городомъ сгустились сумерки. Въ воздухѣ чувствовалась весенняя прохлада, предвѣстница скорого тепла, которое должно было оживить уснувшую въ зимнемъ увиданіи природу. Чувствовалась какая-то торжественная тишина, которая такъ приятно ласкала истерзанной городской сутолокой слухъ обывателя. Вдругъ въ вечерней тишинѣ, съ высоты соборной колокольни, царившей надъ всѣмъ городомъ, раздался благовѣсть могучаго колокола. Ему отвѣтили одинъ за другимъ съ ближайшихъ церквей, а за ними и отдаленныхъ. И полились надъ городомъ звуки мѣдныхъ великановъ. Но то былъ печальный звонъ! Рѣдкіе, мѣрные, заунывные, постепенно стихавшіе звуки благовѣствовали землѣ на сей разъ не радость велію, а скорбную вѣсть о томъ, что должно было читаться въ эту ночь тамъ, внутри храмовъ, съ скорбныхъ страницъ св. евангелія, въ двѣнадцати картинахъ повѣствующаго намъ о безпримѣрной трагедіи въ исторіи чело-вѣчества, о страданіяхъ Святѣйшаго Праведника,—и какихъ страданіяхъ! позорною поноснѣйшею смертію на крестѣ! Печальные звуки колоколовъ въ вечернемъ сумракѣ, казалось, были отголосками скорбныхъ вздоховъ Бога Отца Небеснаго, такъ возлюбившаго міръ, что и Сына Своего Единороднаго за всѣхъ далъ, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную!

(Иоан. III, 16). И на благовѣсть колоколовъ свѣшили въ храмы Божіи вѣрующіе христіане, съ серьезными, задумчивыми лицами. Каждый зналъ, какая глубоко умилительная, способная тронуть самое черствое сердце церковная служба должна была совершаться въ эту ночь! Съ необыкновенною духовною красотою этой ночи можетъ сравняться только другая ночь,—свѣтозарная, имѣющая быть на третій день послѣ этой ночи, провозвѣстницы ея!

Въ большомъ дворянскомъ домѣ, расположенномъ недалеко отъ приходскаго храма, было какъ-то особенно тихо. Здѣсь было великое семейное горе. Общая любимица всей семьи, пятилѣтняя дѣвочка Галина, лежала въ горячечномъ бреду. Съ ней было крупозное воспаленіе легкихъ, и бывший утромъ докторъ сказалъ отцу, что въ эту ночь долженъ быть кризисъ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ, но чѣмъ кончится борьба жизни съ смертію, онъ не знаетъ... Несчастіе это какъ громъ поразило семью. Отецъ и мать не одинаково отнеслись къ нему. Отецъ, полувѣрующій интеллигентъ, совершенно равнодушный къ религіи и св. церкви, выслушавъ приговоръ знаменитаго врача, какъ-то растерянно развелъ руками и не зналъ, что дѣлать ему. Мать же была женщина глубоко-вѣрующая, воспитанная въ традиціяхъ старинной дворянской семьи, сумѣвшей влить въ нее религіозное чувство. Таковую же атмосферу религіозности, съ оттенкомъ именно церковности, она внесла и въ свой домашній очагъ. Вотъ и теперь мать отправила другихъ дѣтей съ няней-старушкою къ стоянію, а сама осталась у постели больного ребенка. Въ первый разъ за всю ея жизнь, какъ она помнитъ себя, въ этотъ вечеръ великаго четверга она не въ церкви! Въ первый разъ и ей пришло на мысль: зачѣмъ, кому нужны страданія этого невиннаго ребенка? Дѣвочка, съ худымъ, горящимъ лицомъ, разметалась въ постелькѣ. На личико ея, обрамленное золотымъ руномъ шелковистыхъ волосъ, падалъ мягкій свѣтъ отъ лампады, освѣщавшей въ углу Распятіе старинной работы, изъ слоновой уже пожелтѣвшей кости. Ровный свѣтъ лампадки пробѣгаетъ легкими, нѣжными тонами по всей фигурѣ и мягкимъ свѣтомъ освѣщаетъ главу Распятаго! Кроткій ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ смо-

трѣлъ на мать и дочь. Дѣвочка открыла глаза и взглядъ ея устремленъ къ этому страждущему лику. Въ это время чрезъ двойныя рамы окна, обращеннаго въ сторону приходскаго храма, послышался ударъ колокола и смолкъ. Дѣвочка, посмотрѣвъ на мать, начала прислушиваться, очевидно ожидая второго удара, но его не послѣдовало.

— Что это, мама, ударили въ колоколъ и перестали?— спросила больная дѣвочка свою мать.

— Это, милая,— отвѣтила та,— читаютъ сейчасъ въ храмѣ первое евангеліе изъ 12 евангелій о страданіяхъ Спасителя.

— Расскажи мнѣ, мама, зачѣмъ Онъ страдалъ?

Мать поспѣшно взяла святое евангеліе и по нему, въ простыхъ доступныхъ дѣтскому пониманію словахъ, стала рассказывать ей о прощальной таинственной вечери и о страданіяхъ Спасителя.

Дѣвочка слушала со вниманіемъ рассказъ матери.

Чуткимъ сердцемъ своимъ маленькая страдалица постигла тайну страданій, которая не сразу открывается и взрослымъ, и она съ чувствомъ глубокаго умиленія смотрѣла на распятіе и видимо молилась въ душѣ. Мать съ благоговѣніемъ опустилась на колѣни и молилась за свою дочь, чтобы Господь помогъ ей перенести страданія и этой болѣзни и другія страданія, какія, можетъ быть, ждутъ ее въ будущей самостоятельной жизни. И какъ хороша, какъ горяча была молитва матери и дочери, и именно въ эту спасительную ночь!.. Но что это?! За двѣнадцать мѣрными, протяжными, заунывными ударами колокола раздался пасхальный торжественный звонъ. Ему вторилъ звонъ и съ другихъ церквей.

— Мама, что значитъ этотъ звонъ?

— Звонъ этотъ, дѣточка, символъ Его возстанія изъ гроба, Его воскресенія. Мы и еще услышимъ его, въ ночь Свѣтлаго Его воскресенія и во всю седмицу его!

Въ это время поспѣшно вбѣжали въ комнату больной возвратившіяся съ стоянія дѣти, братья и сестры больной, и, несмотря на предупрежденія няни-старушки, наперерывъ спѣшили

поднести матери и сестрѣ горящія свѣчи, съ радостными словами: „принесли, принесли!“ То были свѣчи съ стоянія, которыя дѣти такъ любятъ держать въ рукахъ своихъ за чтеніемъ св. евангелій и стараются непременно принести домой горящими. Дѣвочка съ живостію взяла одну изъ поднесенныхъ ей свѣчей и съ словами: „мамочка, какъ мнѣ хорошо“, съ радостію поцѣловала ее. Свѣча озарила лицо больной дѣвочки, и на немъ, въ первый разъ послѣ долгой и тяжкой болѣзни, появилась улыбка небесной радости и счастья! Мать съ благодарностію пала на колѣни предъ св. Распятіемъ и молилась на этотъ разъ не за себя только и больную дочь, а и за другихъ дѣтей и за него, своего мужа... Всѣмъ было такъ отраднo въ эти минуты. Только онъ одинъ оставался пока чуждъ этой радости, этого тихаго семейнаго счастья! Время отъ времени онъ входилъ въ комнату дочки, вслушивался въ евангельскіе рассказы матери, но какъ грустно было ему сознавать въ себѣ, что онъ чуждъ былъ ея вѣры, благодатнаго утѣшенія въ горѣ молитвой, очевидцемъ которой былъ онъ въ эту памятную ночь! Не желая нарушать благоговѣйнаго настроенія жены и дочери, онъ безмолвно выходилъ изъ комнаты ихъ въ свой кабинетъ и въ первый разъ серьезно задалъ себѣ вопросъ: куда онъ идетъ, какая цѣль его жизни, и стоить ли жить, не имѣя определенной цѣли ея?—„Вотъ у Нины, думалъ онъ о своей женѣ, есть вѣра, есть надежда на Бога и Христа! А у меня нѣтъ ничего!“ И ужасъ въ первый разъ объялъ его душу... Всю ночь, послѣ 12-ти часовъ, больная спа. спокойно. Утромъ пришедшій докторъ сказалъ отрадную вѣсть: „кризисъ миновалъ благополучно; больная скоро будетъ совершенно здорова!“ Что дѣлать оставалось отцу? Первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ потребность плакать и молиться..

— Вотъ, Владиміръ, сказала жена, ты теперь долженъ понять, что значить молить я!

— Да, я понялъ, Нина, сказалъ онъ женѣ, и прошу тебя во всемъ простить меня!

Никогда еще такъ радостно не встрѣчали свѣтлый праз-
вкъ Пасхи въ этой семьѣ, какъ въ этотъ годъ. И для главы

семьи, отца ея, наступилъ праздникъ, новая жизнь обновленія, воскресенія души его. И какъ хорошо, какъ спокойно было теперь на душѣ его! Всѣмъ стало ясно, зачѣмъ Онъ страдалъ,— Онъ, радости исполнившій всѣхъ Спаситель нашъ, пришедшій спасти міръ. Но всѣхъ больше радости было въ тотъ свѣтлый день страдалицъ-матери, оправдавшей на себѣ мудрость изреченія Апостола: „невѣрующій мужъ освящается вѣрующей женой“...
(В. Бл.). Свящ. *Сергій Ильменскій*.

Пасхальная ночь.

Ночь. Настежь распахнуто окно. Слышно, какъ внизу шумятъ молодые тополи. Пахнетъ свѣжестью. Небо глубокое, темно-синее, разубранное апрѣльскими звѣздами.

Я высвываюсь изъ окна: на улицахъ кричатъ, ѣдутъ, звонить гонгъ трамвая. О, не шуми, мой большой прекрасный городъ,—скоро настанетъ полночь!..

Гдѣ-то далеко, въ степяхъ, полегла моя родина... Что-то тамъ сейчасъ? И я знаю, что тамъ... Тихо. Если внимательно прислушаться, можно услышать всплески воды на разлившейся рѣкѣ, журчанье ручьевъ въ полѣ. Звѣзды на небѣ такія же нарядныя, чистыя, словно помывшіяся къ празднику... Но тамъ вольнѣе, и синѣй кажется воздухъ, и маленькій хуторъ съ своей низенькой желтой церковью—словно свѣтлый муравейничекъ, забытый посреди земли. Какъ чудесно купятся въ безпредѣльномъ синемъ просторѣ весенняго неба—со всѣми своими бѣлыми хатками, маленькой церковью, садами!.. Есть тихое весеннее счастье—стоять въ степи, когда все уже оттаяло, и внимать, какъ наверху переливаются звѣзды...

Ужъ близко полночь. Церковь въ огонькахъ, одѣвшихъ ее сверху до низу, словно звѣздочки. Много народа, легкой шумокъ, предпраздничное возбужденіе... Но еще тихо, еще безпредѣльно тихо...

Если подняться на колокольню, откуда люди кажутся маленькими, какъ игрушки, и шума совсѣмъ не слышно, можно подумать, что вся земля замерла, полная ожиданія.

Въ полночь на маленькой церкви зазвонилъ колоколь. Заслушалась необъятная степь, стали рѣка и овражки въ полѣ... Звоны сгустились, словно золотыя нити протянулись съ неба до земли, и задрожали, отблескивая всюду золото. Церковь опояса-

лась веселымъ крестнымъ ходомъ. Звѣзды на небѣ блеснули ярко, словно еще больше раскрыли свои прекрасныя лучистыя вѣжды... А церковь полна звуковъ, обливается ими, какъ подъ лѣтнимъ теплымъ, благодатнымъ дождикомъ, скачущимъ весело по крышамъ и деревьямъ.

О, не шуми, мой большой прекрасный городъ: скоро полночь... Впрочемъ, быть можетъ, тебѣ не нужна эта ночь, объятая великими снами? Ты, гордый, вѣришь только въ свою силу? Вдругъ надъ всѣмъ разостлался звонъ... Онъ покрылъ все: шумъ, крики, гонгъ трамвая, точно надъ многоэтажными домами, улицами, парками возводитея прекрасное пышное зданіе—стройное и высокое, какъ лучъ солнца... Но я не вѣрю: въ этомъ торжественномъ гулѣ множества колоколовъ мнѣ не чудится идеи, вѣры... Вѣдь правда, мой большой прекрасный городъ,—у насъ съ тобой нѣтъ ни вѣры, ни мужества, ни таланта пережить эту чудесную ночь?..

Все смолкло... Изъ окна видно, какъ на сосѣдней церкви горять плошки, и народъ безпокойно снуеть взадъ и впередъ. Первый аккордъ праздника—прекрасный, безпокойный,—прошелъ...

Внизу шелестятъ тополи, пахнетъ весной—степями, первыми подснежниками... Хочется чего-то сладкаго, прекраснаго, Богъ знаетъ чего, но ясно, что этого прекраснаго нѣтъ въ большомъ старомъ городѣ. И я вдругъ понимаю, что въ сегодняшнемъ колокольномъ звонѣ, бенгальскихъ огняхъ, не все было фальшь: здѣсь было тихое стремленіе къ чему-то иному, котораго не найдешь въ городѣ и въ честь котораго на моей родинѣ, въ степяхъ, зажигалась сегодня и свѣтло горѣла маленькая желтая церковь... И городъ дѣлается мнѣ близкимъ, понятнымъ. Я доврчиво протягиваю къ нему изъ окна руки и шепчу:

— Христось воскресъ! Христось воскресъ!.. („Отд. Хр.“)

Пасха нищаго.

Кончилась обѣдня. Народъ сталъ расходиться по домамъ, одѣлая стоявшихъ на паперти нищихъ.

Просвѣтлѣвшій, радостный шелъ домой Сидорычъ, семидесятилѣтній „убогевкій“.

— Пришлось еще разъ дожить до праздничка—радно думалъ онъ, торопясь въ свою конурку. Разговѣться можно: вишь, какой я богатый,—разсуждалъ онъ съ собой, минуль пять позже раздѣвшись и прощѣвъ передъ образомъ „всѣ часы“.

Онъ сталъ разбирать свои сокровища. Да, много. Вишь, яицъ сколько! И куличикъ и пасха маленькая: барыня всѣмъ даетъ. На возу привезла.

— А копѣчки вотъ такъ никто и не далъ. И свѣчку не пришлось поставить воскресенію. Ладно, что и въ храмѣ-то не безъ свѣчки стоялъ: сберегъ отъ страстей. День-то какой великій, а я... никакой жертвы Господу... И свѣчки не принесъ!

И горько стало вдругъ старику: поставить свѣчку воскресенію въ селѣ считалось обязательнымъ.

— Ну, что дѣлать, не достоинъ значить..., прошепталъ онъ и сталъ раскладывать на столѣ разговоръные.

Онъ благоговѣнно разрѣзалъ и съѣлъ свяченное яичко. Потомъ кусокъ кулича, пасхи и деревенской ветчины. Потомъ вдругъ что-то кольнуло его.

Онъ быстро всталъ и, связавши все добро въ узелокъ, пошелъ къ сосѣдской избѣ.

— А вѣдь Анна-то хвораешь, поди, и не сбирала. Забудутъ ее!

Онъ вошелъ въ незапертую избу. Да, Анна тоскливо лежала на кровати около двухъ бѣлокурыхъ дѣтишекъ и печально смотрѣла на пустой столъ.

Сидорычъ быстро разложилъ на столѣ всѣ сокровища, а четыре красныхъ яичка положилъ около дѣтей.

Дѣти точно почувствовали чужого, открыли заспаные глазенки, и... ухватились за яйца.

— Мама... яички, яички кра-а-а-сненькія-я!

— Ну, вставайте, дѣтишки. Разговляться пора,—позвалъ Сидорычъ.

Черезъ четверть часа двѣ золотыя головеньки весело копошились у стола.

И показалось нищему, который тоже продолжалъ свое разговоръные, что Христось улыбается имъ и ему изъ кіота.

— Принялъ, вмѣсто свѣчки принялъ,—шепталъ старикъ и радостно плакалъ.

(Воскр. Бл.).

Содержаніе: 1) Вселенская радость.—2) Кирію-Пасха.—3) Пасха Христова.—4) Видите вси въ радость Господа своего.—5) Зачѣмъ Онъ страдалъ?—6) Пасхальная ночь.—7) Пасха нищаго.

Редакторъ протоіерей Е. Сѣцинскій.

Завѣдующіе издательствомъ прот. Е. Сѣцинскій и С. Дложевскій.

Кам.-Под., тип. Свято-Троицкаго Братства. Уг. Базарн. и Бульварн. у.